

АЛЕКС ФРАЙТ

ПАРОЛЬ «ФОРТ-БОЯРД»

Алекс Фрайт

Пароль «Форт-Боярд»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36305327
ISBN 9785449325037*

Аннотация

Обычные люди практически никогда не сталкиваются со специальными операциями контрразведки. В большинстве своем они узнают о них из публикаций рассекреченных архивов спустя много лет. Однако иногда в тщательно спланированном сценарии спецслужбы все идет наперекосяк. И тогда в жизни любого оперативника может наступить момент, когда не он выбирает убийство для достижения своей цели, а убийство выбирает его...Продолжение книги «Называй меня Ева». Вторая из серии «Курьеры».

Содержание

1	5
2	11
3	29
4	47
5	67
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Пароль «Форт-Боярд»

Алекс Фрайт

© Алекс Фрайт, 2018

ISBN 978-5-4493-2503-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дверь камеры хлопнула за спиной. Никто больше не скажет ей: «Стоять. Лицом к стене. Руки назад». Коридор, такой гулкий под шагами надзирателя, уже не казался мрачным. Решётка сдвинулась в стену, и Аста переступила порог, жмурясь от дневного света, вливающегося в окно.

Контора встретила её освобождение не то что бы недружелюбно – враждебно.

– С твоими талантами у нас делать нечего, – злобно бросил ей майор, отмечаясь корявым росчерком в журнале.

Он вяло махнул ладонью конвойным. Уселся за стол, нехотя придвинул к себе тонкую стопку бланков и взял шариковую ручку. Дежурный в следственном изоляторе явно гордился своей значимостью, время от времени бросал на неё неприязненные взгляды и сосредоточенно елозил ручкой по бумаге. «Придурок», – отстранённо подумала она, наблюдая, как на пропуске в святая святых комитета медленно появляются падающие набок буквы. Почерк у него был ужасным.

Майор перегнулся через подлокотник кресла. Короткопалая лапища распахнула дверцу сейфа и достала опечатанный пакет. Сквозь прозрачный пластик она видела мобильный телефон со снятой крышкой аккумулятора, измятую пачку сигарет с надорванным верхом, поцарапанную зажигалку,

треснувший тубик губной помады, несколько мелких отечественных купюр... больше ничего не было. Аста расслабилась – сим-карту искали не там.

– Было гораздо больше, – тихо сказала она.

– Чего?!

– Денег.

– А платить за твой санаторий в камере государство из своего кармана должно?

– Не надо путать свои карманы...

Крепкий, розовощёкий прапорщик не дал договорить:

– Не ерепенься!

Она не стала спорить. Не глядя, черкнула подпись в протоколе изъятия. Ей возвращали всё, что нашли во время обыска, ворвавшись в купе поезда – все её личные вещи на данный момент. А деньги... это сейчас не главное...

– Чтоб ноги твоей у нашего порога больше не было. Работу на заводе каком-нибудь поищи, или дворником устройся. Хотя... – на лоснящемся от самодовольства одутловатом лице майора мелькнула похотливая гримаса, – ещё элитной девкой по вызову сможешь подработать со своей внешностью.

Прапорщик мерзко хохотнул и отступил в сторону. Она промолчала, а дежурный бросил перед ней на край стола пропуск и нажал кнопку в стене. Толстая дверь слева скрипнула железом, открывая путь из заключения.

– Давай-ка, в кабинет к генералу. Тоже хочет сказать тебе

на прощание пару ласковых.

– Угу, – не удержалась Аста, сузив глаза. – Приятно было пообщаться с вежливым человеком.

– Вали отсюда, – майор показал ей неприличный жест. – Вот туда иди и не возвращайся.

Она ещё на подступах к приёмной главы контрразведки увидела на двери кабинета полковника Хижука не до конца соскобленные остатки кругляша из жёлтого пластилина. На душе было совсем паршиво – если в камере в подвале этого здания какие-то отчаянные мысли приходили в голову, то в этом до боли знакомом коридоре они быстро улетучились. Уже на самом пороге кабинета генерала она споткнулась и едва не упала.

Генерал Горбацевич долго морщил лоб, разглядывая её то так, то эдак. Потом встал, хлопнул ладонью по личному делу, открытому на первой странице, придвинул ближе уже заполненные казённые бланки.

– Жаль, что так вышло. Голова у тебя светлая, но... – он развёл руками. – Нам всем будет лучше друг без друга. И свечку поставь где-нибудь в церкви за куратора твоей группы, что оказался педантом и чихнуть боялся без указания сверху. Все дела оставил в таком порядке, что тебя даже звания лишать не пришлось, а в данном случае твои погоны – отягчающее обстоятельство.

– Понимаю... – невесело протянула она. – Каждая удачная разработка – легенда. Каждая неудача – срок.

– Не надо мне тут сравнивать мокрое с квадратным, – оборвал он её и покатал по скулам желваки, начиная медленно багроветь грубым лицом.

– Мне незачем оправдываться, – глухо ответила она. – Я люблю свою страну, но мне приходилось выполнять дурацкие приказы.

– Дурацкие?! – генерал врезал кулаком по столу. – Оно и видно, что от тебя любой, даже самый прозрачный намёк, как горох от стенки отскакивает. Сейчас ты уволена, а потребуешься – найдём, где угодно. Доходчиво изъясняюсь?

– Хватит! – Аста стиснула зубы и вздёрнула подбородок. – В следующий раз я не вернусь!

– Уверен, решать придётся не тебе, – в его голосе прозвучала явная угроза. – Ну, рискнёшь не подписать?

Тяжёлый взгляд Горбачевича был очень и очень неласковым: у него не только щеки – глаза начали наливаться кровью. Аста повертела ручку в пальцах.

– А что, есть другие варианты? – угрюмо спросила она.

– Не думаю... – процедил генерал.

Плотная бумага с грозными печатями была настолько красноречивой, что дальше некуда, а предложение заявления об увольнении по состоянию здоровья – простым и циничным. Таким же, как у функционеров КПСС четверть века назад – что-то вроде «генеральная линия руководящего органа, сложившаяся в мире обстановки на текущий момент никоим образом не пересекаются с вашими умениями и под-

готовкой...». Ей было предложено уволиться самой и подписать документ, обязывающий соблюдать максимальный уровень секретности. Проще говоря, пинок под зад сопровождался требованием намертво прикусить язык.

Краем глаза она взглянула на бланк подписки о неразглашении, где первым пунктом чётко оговаривалось, что нигде, никогда и никому она не имеет права сообщать о факте своей работы в комитете госбезопасности, никогда не сможет выехать за пределы страны и обязана навсегда забыть над чем работала лично она или её коллеги. Другие пункты Аста даже читать не стала – была уверена, что где-то в конце обязательно будет указано о прелестях государственной измены и не менее пугающих перспективах высшей меры.

Пальцы дрогнули, но подпись вышла аккуратной и твёрдой.

– Быстро ты, – хмыкнул генерал.

– Не тот случай, чтобы раздумывать, – она смотрела под ноги.

– Что ж ты такая ершистая-то всегда? – криво усмехнулся он и протянул ей неровно вырванный из блокнота листок с единственной строчкой из цифр. – Держи рекомендацию. Захочешь в следственном комитете поработать – звони по этому номеру. Скажешь от меня.

– Неужели мысли разрешите оставить? – она хмуро крутила между пальцами пуговицу.

– А, может, тебя ещё разок под замок определить? Дога-

дываешься, куда? – вскинулся Горбачевич. – Вот тогда вместе и посмеёмся над бывшим капитаном Таболич Астой Валерьяновной. Усекла?

Аста откашлялась, надеясь, что тоже скажет в ответ генералу что-нибудь неприятное, такое же злое и гадкое – не получилось. Горло не издало ни звука. Тогда она попыталась разгладить ладонями воротник измятого пальто, которое не снимала в камере, чтобы не окоченеть до смерти – вышло ещё хуже, чем с прощальной речью. После всех этих неудач она обречённо махнула рукой, гордо поправила несуществующий шарф и молча развернулась к Горбачевичу спиной. С третьей попытки затолкала листок с номером телефона в карман и вышла из кабинета, нарочно хлопнув дверью так, что в приёмной испуганно подпрыгнула на стуле студентка-практикантка, ожидающая аудиенции у всесильного генерала. Затем она спустилась по широким ступеням главного входа и сделала первые шаги в обычном мире, который был закрыт для неё на целый месяц.

– Вот и конец... – прошептала Аста, после длительной полутьмы камеры ощутив в себе возможность сфокусировать взгляд на ярких рекламных у магазинов и их отблесках в лужах на тротуаре. – Я уже и забыла, как это – быть свободной...

Город промок насквозь. От реки в неоновые сумерки узких улиц вползали плотные щупальца тумана. С неба вновь сеялась мелкая морось. В мутной пелене дождя тускло вспыхивал жёлтым пятном светофор на перекрёстке и неярко помаргивала вывеска у входа в кафе, отбрасывая призрачные отражения на мокрую брусчатку.

Креспин толкнул дверь. Над головой тренькнул колокольчик, сообщая нескольким посетителям о приходе очередного продрогшего гостя. Он окинул небольшое помещение быстрым взглядом и уверенно направился к дальнему столику. Бросил мокрый плащ на спинку стула и смахнул с брови капельку воды. Пожилой мужчина, сидящий в углу полутёмного зала, напомнил ему известного диснеевского персонажа: маленький, щуплый, трость на спинке кресла и очки в простой оправе. «Прямо Скрудж Макдак», – хмыкнул он про себя. Затем без приглашения устроился в кресле напротив и неохотно пожал протянутую вялую руку. С первого взгляда у него сложилось впечатление, что его визави не здоров – какой-то чудной тип с помятым и пожелтевшим лицом.

– Кофе, – он призывно махнул официантке.

Тщательно размешивая ароматный напиток и сливки в крохотной чашке, он посмотрел странному заморышу прямо в глаза. Тот ответил ему тем же, на долю секунды перестав

быть убогим и безликим. У старика, плавно покачивающего на узкой ладони бокал с коньяком и представившегося вчера поздно вечером в телефонном звонке Францем Витольдовичем Бубеном, взгляд отнюдь не был больным: твердый взгляд, по-змеиному безразличный, холодный и неподвижный. Глаза за стёклами очков выразили любопытство, затем ожидание, наконец, предупреждение. Но лишь на мгновение. Через секунду он опять стал тем же человеком, который и произвёл первое впечатление – сморщенным гномом.

– Значит, просто Хромой? – заинтересованно спросил он. – К вам так и обращаться?

– Именно, – подтвердил Креспин.

– Позвольте узнать почему?

– Вам знакома притча о хромом и слепом?

– Это о библейских сторожах виноградника?

– Нет. О пожаре в Багдаде.

– Я, значит, по вашей терминологии – слепой?

– В моей трактовке. Ведь это же не я к вам обратился, – он усмехнулся.

Франц Витольдович уставился в бокал, прикусил губу и задумался о чём-то своём.

Креспин не мешал ему размышлять, закурил и сквозь призрачную дымку сигаретного дыма ненавязчиво рассматривал маленького человечка напротив, пытаясь понять истинность его намерений. Ему позвонили, как делали уже неоднократно в любой стране, представились, назвали имя,

звук которого не вызвал у него ничего, кроме доверия. От Марка Гензера кто угодно мог позвонить в любое время суток и о чём угодно попросить. И не важно, что сейчас этот жирный увалень лежит в коме в одном из госпиталей Бей-рута, получив в спину две пули от подручных полковника Хижука – скукоженного человечка рекомендовал он, и для него этого было более чем достаточно. Ещё тот произнёс верную в данный момент кодовую фразу, известную только ему и Марку. Правда, он не знал, насколько далеко простираются его возможности, но выслушать заказ на доставку и оценить возможные варианты её осуществления никогда не отказывался.

– Вполне вероятно, что вы назовёте моё предложение безумным, – Франц Витольдович аккуратно опустил на полированную столешницу бокал, от содержимого которого так и не пригубил. – У меня полно возможностей доверить дело общеизвестным профессионалам в моей стране, но оно настолько серьёзно, что я пришёл сам.

Креспин кивнул, наклонив голову немного вперёд, как делал всегда, концентрируя внимание. Он прекрасно понимал собеседника: анонимность была для него обыденностью, и он не знал настоящих имён девяноста девяти процентов своих контактов, не говоря уже о заказчиках. Репутация, провалилась она пропадом, обязывает, а она у него была безупречной – не стоило портить её лишними знаниями. Он сделал глоток кофе, затянулся, выпустив дым в сторону,

и удовлетворённо кивнул.

– Догадываюсь. Что вы желаете получить конкретно от меня?

– Мне нужно от вас... Нет, не так.

Он резко выпрямил худую спину, выудил из кармана мобильный телефон, пробежал пальцами по дисплею и подтолкнул устройство к собеседнику.

– Давайте сразу перейдём к главному.

Креспин скосил один глаз вниз. Фотография. Резкие, костистые черты высокого мужчины в генеральском мундире. Снимок был отличного качества, сделан на хорошую камеру с небольшого расстояния, вероятно, вечером, так как на гладко выбритом подбородке была заметна пробивающаяся щетина.

– Председатель. Необходимо, чтобы с ним случилось несчастье. И оно никогда не случится, пока вы не вмешаетесь, – старик понизил голос до шёпота.

– Простите, – Креспин в ответ покачал головой и резко затушил сигарету в причудливой пепельнице. – Это уже давно не мой профиль.

Старик криво улыбнулся и медленно, как хороший напиток, смакуя собственную неторопливость, потянул пальцем снимок на дисплее выше, открывая ещё одну фотографию – в этот раз молодой женщины с откровенно растерянным взглядом. Креспину все стало предельно ясно ещё до того, как женское лицо показалось полностью. Настолько ясно,

что у него свело скулы, точно от оскомины. Он помрачнел и окинул быстрым взглядом небольшое помещение, где кроме нескольких посетителей за дальними столиками и высокой девушки у барной стойки, которая вошла через минуту следом за ним и сейчас задумчиво болтала соломинкой в стакане с коктейлем, не было посетителей, заслуживающих внимания. Официантку и двух пухленьких девчушек-студенток, поглощённых пирожными, в расчёт принимать не стоило, а вот к паре крепких мужчин, сидящих спиной к стене и бросающих исподлобья взгляды на их столик, наверняка следовало отнестись с опаской. Ещё один клиент заведения, крупный, со сломанным носом и квадратной челюстью вроде слесарных тисков, напоминал бывшего боксёра. И то, что он сидел у окна, и то, как с отсутствующим видом просматривал статью в спортивном журнале, не ускользнуло от внимательного взгляда, позволив со стопроцентной уверенностью связать его с первыми двумя. Эти трое, скорее всего, вошли или раньше, или одновременно с его собеседником. И то, что несмотря на дождь, нудно морозящий с самого утра, внутри кафе было практически пусто, заставило его насторожиться больше обычного. Он не исключал и вероятности того, что ещё парочка здоровяков оттирает продрогших прохожих от входа в заведение. Креспин знал, что и сам бы поступил также. И Сангушек, и Хелен, и Кайра, и Марк, и некоторые другие, с кем не раз оказывался спиной к спине, встречая подкрадывающуюся смерть, действовали бы так же. Впро-

чем, рыжеволосой хохотушке и спортсменке Хелен не повезло – все её 185 сантиметров роста и двадцать семь лет жизни уместились в пяти буквах на куске гранита. Он стиснул зубы, выбрав первым объектом крепыша со сломанным носом, и решил, что тот умрёт первым, если ему вздумается остановить его у двери.

– Если бы я считал по-другому, – хилый собеседник напротив как-то виновато моргнул, – то обратился бы не к вам.

– И чего вам всем неймётся? – буркнул Креспин.

– Всем?

– Вы не первый, кто спешит на это свидание.

– Просто поторопите её для меня.

– Её?

Тонкие пальцы с распухшими суставами отбарабанили по столешнице похоронный марш.

– Его смерть. Чувствую, задержалась она где-то.

– Многие пытались повернуть нечто подобное.

– Не вышло?

– Не вышло, – спокойно подтвердил он старику, – и у других не получится.

– А у вас? – вкрадчиво поинтересовался тот.

Креспин посмотрел влево на крепкую парочку, потом впереёд на «боксёра», а затем на барную стойку. Рассеянно окинул взглядом округлые колени девушки с коктейлем, тонкую талию, грудь, мягкие черты лица. Отвёл глаза в сторону, когда она заметила его и нагло подмигнула в ответ.

– Да, – твёрдо ответил он, – если бы взялся.

– Но вы не возьметесь?

– Нет.

– Не тот профиль?

– Не тот.

– Давно?

Креспин невольно, каким-то взглядом постороннего наблюдателя представил себя в маскировочном костюме. Вот он выбирает позицию на склоне невысокого холма, поросшего редким, колючим кустарником; вот он на всякий случай аккуратно протирает оптику, и мягкий уплотнитель прицела прилипает к коже, отсекая глаз от солнечного света и пота, способного скатиться со лба в самый неподходящий момент. Патрон досылается в патронник, затвор закрыт привычным движением, перекрестье находит цель, медленно ползёт вслед за ней, пальцы правой руки делают четыре щелчка боковой поправки, сверяясь с заранее выбранными маячками и баллистическими таблицами в памяти.....

Он прищурился и неторопливо рассмотрел странного собеседника ещё раз, словно в прицел: от пуговиц дорогого костюма на иссохшем теле до морщин на втянутых щеках. Ответил насмешливой улыбкой на немигающий взгляд за стёклами очков и небрежно сказал:

– Так давно, что не уверен был ли этот профиль на самом деле.

– Придётся вспомнить, – уродец ухмыльнулся и двинул

мобильный телефон к нему ближе. – Специально для вас приготовил. Занятное чтиво.

Если бы Креспин не умел скрывать эмоции, то от первого же взгляда на дисплей его лицо бы вытянулось, напряглись и побелели скулы, а затем на щеках проступили бы красные пятна. Даже гладкий лоб, может быть, покрылся бы испариной. Но чёткие строки текста, что расплылись, поползли одна на другую, и пелена, мгновенно затуманившая разум, заставила его только слегка приподнять одну бровь. «А ты не просто урод, старая полумёртвая мразь, – подумал он и вскинул взгляд, в котором от бешенства, что миг назад плескалось через край, осталась лишь одна неприметная искра. – Неужели сам не боишься?».

– Действительно, – он едва заметно скривил уголки губ в презрительной гримасе и почесал переносицу. – Занимательная у персонажа биография. Весьма интересная для определённых кругов, скажем прямо. Автора не подскажете?

– Генерал Кужель.

– Сволочь...

– Какой бы сволочью он ни был, но по-своему пытался быть честным. Уцелев во всех этих военных мясорубках, принялся искать дочь. Безрезультатно. Контора надёжно хранила свои тайны даже от него, и он сдался... а потом Хижук, и тоже по-своему, решил проявить инициативу, оборвав последнюю ниточку. Вот тогда вы вышли на Кужеля, а я случайно узнал подробности этой истории.

– Причём здесь она?

Креспин не назвал имя, но Бубен прекрасно понял, кто не был упомянут, и какого ответа ждут на риторический вопрос.

– Все проще простого: умирает председатель – она остаётся жить, – сказал он. – Это единственное условие.

Старик снисходительно улыбнулся и пролистал текст обратно, пока вновь не добрался до фотографии женщины. Франц Витольдович не собирался распространяться, что Кушель ничего подобного он него не требовал – это была его личная инициатива, подкреплённая собственными предположениями. И пока эти предположения оказывались верными.

– Видите, я с вами откровенен. Конечно, в определённых рамках... но не принимайте эти слова близко к сердцу. Мне бы совсем не хотелось, чтобы они прозвучали и нанесли непоправимый вред этой особе.

Тщательно скрывая ненависть, Креспин скосил глаз на дисплей – такой потерянной и отчаявшейся он и запомнил Асту в аэропорту Бейрута. Побелевший от ярости кончик пальца смахнул её фотографию, вновь открывая лицо мужчины в генеральском мундире.

– Как он должен оставить нас сиротами?

– Вы знаете об этом намного больше меня, – в голосе собеседника просквозило безразличие.

– Желаете, чтобы он страдал перед смертью?

Теперь с той же злостью и снисходительностью усмехнулся Креспин, а щека Франца Витольдовича, похожая на жёлтый пергамент с тонкими синими прожилками, вдруг задёргалась. Он прижал её рукой и кивнул:

– Я надеюсь на это.

– Срок?

– Представьте себе гипотетическую ситуацию, – старик справился со щекой. – Кто-то смертельно больной не довёл в своей жизни одно главное дело до конца, и времени, чтобы исполнить задуманное у него больше нет.

Тут он неожиданно вспомнил про коньяк, прикоснулся бескровными губами к янтарной жидкости, бесцельно поволил пальцем вокруг телефона и отвернулся к окну, за которым в неоновом свете вывески, ярко блестела мокрая мостовая, словно покрытая лаком. Одинокий прохожий, на миг задержавшись у входа, торопливо зашагал дальше, и Креспин убедился, что снаружи у ненавистного собеседника топчется ещё парочка телохранителей – это, как минимум.

– Врачи дают мне не больше нескольких месяцев, – глухо сказал старик, сжав высохшие пальцы в кулак

В отражении его морщинистого лица в стекле проступила такая скорбь, что Креспину показалось, что тот уже сделал последний шаг и выбирает, перед кем предстать – перед апостолом Павлом или самим дьяволом.

– Кому мне передать отчёт о доставке? – спросил он.

– Я не собираюсь умирать раньше, чем получу от вас тре-

буемую услугу. Не надейтесь, – тоска покинула голос Франца Витольдовича, и он забулькал ехидным смешком. – С вами свяжутся и недостающие подробности заказа передадут завтра. Наша общая знакомая будет ждать ваших действий, и я всегда отвечаю за свои слова.

– Я тоже, – процедил Креспин сквозь зубы и поднялся. – Приятного вечера.

Старик смахнул с рукава несуществующую пылинку, погладил впалый висок и промолчал.

Колокольчик над дверью кафе невесело звякнул, проводя его под холодный дождь. Через пару сотен шагов он свернул в пустынный переулок и подошёл к тяжёлому джипу, припаркованному вплотную к бордюру. Положил ладони на мокрую крышу машины и посмотрел в узкий проход между домами. Затем взглянул в ту сторону откуда пришёл, достал из бумажника фотографию и склонился над ней, прикрывая от дождя. Молодая женщина на снимке с лёгкой улыбкой смотрела на него и щурила глаза от солнца, приложив ладонь козырьком над бровями. Он осторожным движением пальца разгладил надрыв на уголке фото и провёл пальцем по её губам.

– Остался тот, кто все это начал, Анхар. Как ты хочешь, чтобы он умер?

Стекло задней двери дрогнуло и слегка опустилось. Из образовавшейся щели потянуло ароматом сладкого восточного табака. Потом щёлкнула ручка.

– Мокнуть зачем? – спросил женский голос. – Садись уже наконец.

Он обошёл машину, распахнул дверцу и забрался в салон. Худой ливанец на водительском месте поднял руку в жесте приветствия. Рядом с его коленом торчал автомат складным прикладом вверх. Он сдвинул оружие чуть в сторону, чтобы не мешало, и обхватил ладонью рычаг передач.

– Трогай, – бросила ему женщина и толкнула коленом Креспина. – Ну, кому ты понадобился в этом проклятом городе?

– Обычная рутина, – ответил он. – Очередной ублюдок из-за занавеса.

– Ты называешь это обычным предложением?! – поразила она и свела брови вместе. Глаза недобро сверкнули.

Она взмахнула сигаретой. Горящий кончик описал дугу и приблизился к её губам, вспыхнул, выхватив из полутьмы напряжённую скулу, закаменевший подбородок и подрагивающее веко. Плащ на ней был расстегнут. Глубокий вырез тонкого свитера открывал татуировку над левой ключицей – рассерженный скорпион с поднятыми клешнями. Лицо тоже не выражало приветливости.

– Рассказывай, – сказала она и вновь затянулась.

– С самыми пикантными подробностями, – насмешливо уточнил мужчина на правом переднем сидении.

Он подмигнул ему в зеркальце салона. Его вытянутая физиономия с острым подбородком наоборот излучала добро-

желательность, а слегка выпуклые глаза поблёскивали весельем в свете от приборной панели. Креспин хлопнул его по плечу.

– Готовь доставку, Сангушек, – сказал он.

– За кем в этот раз? – раздражённо спросила женщина.

– За Астой, – спокойно ответил Креспин. – Статус изменился.

– Я тебе не рассказывал, но твоя русская не читала Достоевского. Странная она, – молчаливый до этой секунды ливанец хмыкнул, провёл пальцами по прикладу автомата и неожиданно спросил: – Добровольцы нужны?

– Она не русская, – возразил Креспин, – и я привык действовать один.

– Черт... – женщина грязно выругалась. – Я уже успела о ней забыть.

– И я был удовлетворён, когда получил отбой по прошлой доставке, – задумчиво протянул Сангушек. – Уверен, рыжий Хаубе тоже не расстроился. Утверждает, что сейчас стало очень сложно перевозить покойников. Практически невозможно. Да и сам рыжий в последнее время какой-то чудной стал, оглядывается по сторонам, точно боится чего-то до смерти. Разонравился он мне окончательно.

– Никакого отбоя – куча дерьма никуда не делась.

– Не поскользнуться бы на этой куче... А если поискать другой контакт за занавесом? Исключить из цепочки Хаубе, подождать и попробовать копнуть глубже?

– Насколько глубже? До выстрела в её затылок? – Креспин скривился. – Думаю, если я скажу нет – не согласишься.

– Её все равно убьют, – злым голосом заметила женщина. – Так пусть тихо и мирно уходит из жизни в одиночку, и никаких следов в нашей памяти.

– Дело не в этом, Кайра, – он отвернулся и принялся бесцельно разглядывать ночной город сквозь дождь.

– Какой статус в этот раз? – прошипела она ему в затылок. Креспин промолчал. Сангушеку не нравилось, что со своего места не удаётся заглянуть ему в глаза, и тогда он обеспокоенно посмотрел на Кайру. Та раздражённо дёрнула плечом, глубоко затянулась и растёрла окурок в пепельнице.

– У него появилось слишком много секретов от нас.

– Например?

– Он ни словом не обмолвился о цели доставки.

– Его сосредоточенное молчание объяснило бы одно имя – Анхар. И что-то подсказывает, что я не ошибаюсь.

– Не ошибаешься. Сейчас эта сумасшедшая девица из контрразведки безусловно доверяет ему, но это доверие сродни хрустальной вазе на краю стола. Одно неверное движение – и под ногами груды острых осколков. И любому из нас порезаться, как вздохнуть.

Креспин смотрел за тонированное стекло, словно через слой целлофана. Сквозь дождь и тусклый свет фонарей проплывающие в темноте здания казались мутными пятнами. Он размышлял о Гензере, балансирующем на тонкой грани

между жизнью и смертью в госпитале Бейрута; о грустной улыбке Анхар за миг до её встречи с бампером грузовика Латифа; о Бубене и об этой чёртовой доставке, которую Кайра, прожигающая взглядом дыру в его черепе, сама же и организовала вместо Гензера... Ещё в его памяти постоянно всплывала Аста... И капли дождя выглядели, как слезы на её лице... Голоса доносились до него откуда-то издалека, будто друзья находились не рядом, а за стеной.

– Спутниковый канал как-нибудь включи, – подал голос водитель. – Не профессионалы, а клоуны какие-то.

– Не передёргивай. Руководство спецслужб в этой стране, может и выглядит в новостях непрезентабельными идиотами, но уж точно не глупее каждого из нас. И, запомни, что они на своей территории практически недосыгаемы и неуязвимы. Безопаснее встать на пути разъярённого носорога, чем с ними бодаться.

– Вот! – торжествующе воскликнул Сангушек и отстучал ладонями на приборной панели несколько тактов залихватской мелодии. – Нечего нам там делать.

Кайра толкнула Креспина в бок.

– Очень плохо, что у этой женщины прекрасная память. Она держит в голове сотни физиономий и голосов, реальные адреса, настоящие пароли для связи, и знает слишком много, чтобы от неё удалось надёжно спрятаться. И как только ты окажешься за занавесом и попытаешься с ней встретиться – за тобой придут через десять минут.

– Сведения из неё можно выбить только пытками... – он хорошо помнил то неукротимое упорство в расширенных в ожидании боли зрачках связанной Асты, когда попытался напугать её оголёнными проводами из розетки, а потом угрозил сжечь в заброшенном доме. – И то не факт.

– Не сомневайся, дорогая, – подал голос Сангушек, – ради него она откусит себе язык. Прожует, проглотит и не перхнётся.

– Десять минут – это целая прорва времени, – сказал Креппин, – и она будет молчать.

– С чего это ты так уверен в ней? – процедила Кайра сквозь зубы.

– Знаю! – отрезал он.

– По какой такой невероятной причине её освободят от физического насилия или укола? Не поделишься своими соображениями о её неуязвимости? – она повысила голос.

– Потому что никто и никогда с той стороны не стукнет в твою дверь и не скажет: «Добрый вечер, меня прислала Аста». Никто, кроме неё, не сможет этого сделать. А если и постучится, то...

– Получит десяток пуль в живот, – продолжила за него Кайра, – даже не успев договорить.

– Именно, – он повернул голову и посмотрел на неё в упор. – Поэтому никто не рискнёт вколоть ей какую-либо дрянь и разворошить секреты в мозгу. Пока не рискнёт.

– Поэтому их цель – следить и ждать. Надоест – прикон-

чат. Придумают какую-нибудь безотказную схему и прикончат. Организуют похороны на высшем уровне: толпа народа, прощальные речи, залпы над могилой, памятник – все, как полагается. А, может, и без схемы обойдутся. Закопают в лесу, или в болоте утопят. Смирись – ей конец. Ещё, смотри, и похоронка тебе придёт.

– Похоронка... – Креспин вновь уткнулся взглядом в окно. – Вот только этого говорить мне не стоило. Разве я решил заварить эту кашу? Смерть Анхар стала точкой отсчёта – с неё началось все то, о чём ты не хочешь вспомнить.

– Они её сами прикончат. Не дождутся тебя и уничтожат. В принципе – я уже и сама хочу этого. И более того – именно это и было бы единственно правильным решением проблемы с их стороны. И для всех нас эта смерть стала бы лучшим выходом, – Кайра всегда легко выносила приговоры.

– Давайте, дадим ей ещё немного пожить. Хотя бы несколько месяцев, – он повернул голову и прищурился на пару «дворников», плавнодвигающихся по лобовому стеклу сквозь блики от фонарей. – У меня теперь есть кое-какие планы на её счёт – мёртвой они ей не по силам.

Сангушек подёргал себя за мочку уха и спросил:

– Эти планы обязательно подразумевают твоё личное присутствие за занавесом?

– Кончик нити по-прежнему там, – кивнул Креспин.

Кайра придвинулась вплотную, просунула руку ему под локоть и положила голову на его плечо.

– Не отпущу, – глухо сказала она. – Никто тебя туда не пустит. Я против. Сангушек тоже. И Марк, уверена, тоже самое тебе бы ответил.

– Почему ты не рыжая? – он освободил локоть, приподнял её лицо за подбородок выше и заглянул в глаза. – Лиса.

Она едва заметно улыбнулась одним уголком губ, качнулась ближе и потёрлась носом о его щеку.

– Я вынуждена быть хитрой, чтобы уберечь самое дорогое от необдуманных поступков. Не пугай меня так больше.

Ливанец за рулём деланно кашлянул.

– Так что там с добровольцами?

– Ещё слово услышу – мозги вышибу! – взвилась Кайра. – На дорогу смотри в оба глаза и рот не открывай.

Вместе с призрачной независимостью и мнимой свободой на Асту накатились проблемы. Первая стала неожиданно неприятной. В прошлый раз, когда она уходила со службы, полковник Хижук хотел оставить её в «схеме» – сначала уговорами, потом провокациями. Она сумела устоять и удержаться от соблазнов вседозволенности... а вот вернулась тогда сама – некуда ей было идти в окружающем равнодушии, когда в личном деле красуется заключение из психушки... В этот же раз просто пнули под зад. Вывели из камеры предварительного заключения, где мурыжили бесконечными дурацкими вопросами, и условно отпустили на все четыре стороны, изъяв разрешение на оружие, служебное удостоверение, загранпаспорт, и оставив наружное наблюдение – слежку она почувствовала, как только сделала первый шаг по брусчатке, обходя лужу.

Через час второй проблемой стали деньги – вместо выходного пособия ей показали кукиш. Счёт в банке она завести не удосужилась, валютных накоплений в матрасе тоже, и все её приданое умещалось в двух небольших чемоданах на съёмной квартире.

Третья вызвала у неё сначала недоумение, потом возмущение, а затем бешенство: из арендуемого жилья не просто выставили – выперли со скандалом, судебными исполните-

лями и участковым, выбросив следом на лестничную площадку чемоданы, хотя срок аренды заканчивался через три месяца и был полностью оплачен.

Она стиснула зубы, подхватила своё добро и побрела на железнодорожный вокзал, пересчитывая в кармане остаток наличности и надеясь, что хватит на оплату кровати для транзитных пассажиров. Зло подумала, что жить не за государственный счёт придётся переучиваться гораздо быстрее, чем ей показалось сначала, но она вытерпит, как смогла перетерпеть многое в своей короткой жизни.

В следственный комитет она позвонила на следующий день. Кратко доложила в какой области специалист, чем бы хотела заниматься, назвала фамилию генерала.

– Вам сообщат, – резко ответил мужской голос и добавил, выдержав многозначительную паузу: – Ждите.

Аста ещё не знала, что ждать ответа придётся неделями, поэтому была настроена достаточно оптимистично и принялась перебирать вещи. Одевалась она всегда изысканно, шикарно даже по столичным меркам, но никогда не задавалась целью собрать обширный гардероб. Надоела юбка – отдала в ближайшую благотворительную организацию. Устала от цвета пиджака – туда же. И обувь следом. Теперь же, удивлённо разглядывая скудный выбор качественно пошитых вещей, пару туфель и единственные сапоги, она испытывала раздражение. Зима на носу, а у неё пальто, превратившееся в камере в бесформенную тряпку, выглядит как празднич-

ный наряд бомжа. Потом в неприметном кармашке брюк она нащупала три сотни. Три настоящих, американских, похрустывающих богатством купюры.

– Господи, так и поверить в тебя заставишь, – пробормотала она, разглаживая пальцами загнутый уголок сотенной бумажки. – Еда, ванная и нормальная постель в тишине.

Она едва не сплясала от неожиданной радостной находки, и тут же немедленно составила простой план действий: пункт обмена валюты для одной купюры и съёмная квартира для остальных. Однако, первым делом купила самый дешёвый мобильный телефон – сим-карта, что предоставил ей полковник Хижук для связи, и которую удалось уберечь по время обыска, теперь была её единственной ниточкой в комитет госбезопасности.

В агентстве арендного жилья Аста задержалась надолго. Несколько раз сидела в разных очередях, выходила курить, бесцельно рассматривала стены с объявлениями и прислушивалась. Узнавая новости из разговоров соседей и обстановки снаружи здания, она пыталась выстроить картину той страны, что была сейчас вокруг неё. Получалось это у неё с трудом. Все-таки за время заграникомандировок окружающая система жизненных ценностей претерпела серьёзные изменения, и сейчас приходилось не просто привыкать к ней заново – начиналась полноценная социальная ломка.

Через час она выцепила у туалета в пустом коридоре бомжеватого мужичка в рабочей куртке строителя, и за пред-

ложенную мелкую купюру получила возможность прочитать список адресов, который ему здесь продали. Потом десять минут провела за столом тощей и желчной дамы «далеко за пятьдесят», отмечая один за другим предложенные варианты жилья. Ни в одном из списков адресов ничего похожего на бумажку, выданную строителю не было. Она пожала плечами и направилась в следующее агентство, где повторилось почти тоже самое. В третье она не пошла. Вставила резервную сим-карту в мобильный и позвонила по номеру третьего адреса из списка, который ни за что не хотел выпустить из рук, страдающий от похмелья соискатель дешёвого жилья, и тут же согласилась на заявленную цену. Целый месяц у неё будет крыша над головой.

Дверь распахнулась со скрипом. Воздух был чужим и пыльным. Аста поморщилась и приоткрыла окно. Ветер, ворвавшийся в комнату и флагом взметнувший прозрачную занавесь, принёс уверенное чувство свободы. Та, проклятая жизнь, осталась за спиной. Теперь ей предстоит вынести все тяготы новой. Однако она не сомневалась, что преодолеет любые трудности, как бы судьба не противилась. Преодолеет и победит. Столько лет вычеркнуто из жизни, но сожалеть об этом она не станет – потому что теперь у неё есть настоящая цель.

Она прошлась по комнате и кухне, заглянула в туалет и распахнула дверь в ванную. Покрутила вентили, подставив ладонь под мощную струю воды. Затем пощёлкала кнопками

управления бойлера – дисплей с готовностью подмигнул синими цифрами температуры. Настроение ещё больше улучшилось. Главное, в этой квартире была ванная и огромный, раскладной диван. Телевизор её не интересовал, хотя был современным и удачно вписывался в скромную обстановку. И ещё на первом этаже этого дома она видела вывеску тренажёрного зала. Когда после ареста её вели по коридору в камеру, то один из конвойных, озлобленный на всех и каждого, не удержался и ударил в спину прикладом. Она от неожиданности упала, а они стояли и смотрели, пока арестованная медленно поднималась, задыхаясь от острой боли. С той секунды позвоночник постоянно напоминал о себе. Она уже привыкла не обращать внимания на тянущую боль, но устроить её надо бы своевременно – стать инвалидом ей совсем не хотелось.

Аста легко рассталась почти со всеми деньгами, подписав договор аренды на месяц, и получила комплект ключей из рук приятной дамы с заверениями, что ни под каким видом хозяева не станут беспокоить. Они сами уезжают на месяц и, если что – сразу в милицию. Но район у них тихий и мелкие происшествия случаются так редко, что на них никто не обращает внимания.

Уже во второй день своей свободной жизни она на пять минут задержалась у окна. Раздвинула шторы и задумчиво смотрела в одну точку, прежде чем медленно отступить на несколько шагов назад. Путём простого размышления над

планом улицы, схемой перекрёстка за двести метров от подъезда и нескольких карандашных крестиков на листке блокнота она определила, что существует минимум две машины из десятка припаркованных, которые несут дежурство у её нового жилища. Потом отметила ещё пяток окон в соседнем доме, где может скрываться наблюдатель. Анализировала ситуацию Аста всегда мгновенно – и выходило так, что держать её под колпаком намерены всерьёз и надолго. Но с такой топорной работой ждать им предстоит до второго пришествия.

– А как же иначе? – спросила она себя и ответила: – Колпак – покруче бронированного. Вот выйду я отсюда, а вернусь – здесь камер и «жучков» будет больше, чем в американском посольстве.

Ей до одури хотелось помахать этим идиотам из-за шторы рукой, и она с трудом удержала себя от столь опрометчивого шага. Никогда нельзя раскрывать своих намерений. Никогда нельзя дразнить оперативников, уверенных в том, что ситуация находится под контролем... и никогда не следует считать себя в полной безопасности...

Ей стало не по себе. Она нервно скомкала листок со своими крестиками и принялась катать бумажный шарик между пальцами. Она даже включила все лампы в квартире несмотря на то, что на улице был день. Изредка бросала взгляды на стены и углы комнаты, но обнаружить хоть какие-то средства слежения ей не удалось.

Правильный вывод был только один – она приманка.

Ждут не её действий, а тех, кто может прийти к ней из-за занавеса. Причём придут явно не враги. А если... «Креспин... – выдохнула она и прижала ладонь к губам, испуганно озираясь в пустой квартире. – Только не ты, любимый... только не ты... они прикончат тебя сразу же...».

Два месяца назад в Бейруте он как в воду смотрел. Она протянула руку к мобильному телефону и нерешительно набрала номер. На звонок ответили.

– Кто бы вы ни были, знайте – у меня нет друзей в вашей стране. Просто интересно – вы ошиблись, или уверены, что нажимали на цифры верно? – в мужском голосе, отвечающем ей, было сомнение, но удивления почти не ощущалось, словно он ждал звонка с неизвестного номера.

Голос был серьёзным, и он принадлежал Креспину. В горле запершило, и она сглотнула, судорожно стискивая мобильник. Впервые в жизни она не знала, что сказать. Секунду назад знала, а вот, как отрезало. Немного помолчал и он.

– Только не говори, что это ты, Ева.

Аста едва не разрыдалась при звуке этого имени.

– Что-то случилось? – напряжённо спросил он.

– Да... – прошептала она.

– Что с тобой?

– Вытащишь меня отсюда?

– Не глупи – тебя убьют.

– Мне так и не присвоили следующее звание.

– Все ещё впереди.

– Нет, Креспин, всё уже позади...

Она споткнулась о пустоту в динамике. Ни гудка, ни шума помех... Ничего, что свидетельствовало бы о том, что разговор состоялся... Жуткие мысли полезли в голову одна за другой, громоздились в какие-то невероятные конструкции, рушились и снова выстраивались в чудовищные комбинации. Аста прикусила губу и вдруг осознала, что теперь и сама не знает, где выход из сложившейся ситуации. Она с досады махнула рукой и хлопнула ладонью по столу. Хрупкая вазочка для сладостей подпрыгнула и тонко задребезжала. Она осторожно прижала её пальцами и тяжело вздохнула. «Одно из двух, – подумала она, – паранойя, или страх». Первое было более жизнеспособным определением для её состояния, но в любом случае второе способствовало первому и усиливало его.

Аста, если хорошенько поднапрячься, могла составить хронологию последних недель едва ли не по секундам. Впрочем, могла вспомнить эти секунды, даже и не напрягаясь... И нельзя сказать, что эти недели пролетели, как один день. Скорее, наоборот – время тянулось, будто резиновое. В какой же момент произошло непредвиденное? Бейрут... Её смогли перехватить только там. Это не подлежало сомнению, а вот Креспин... Он ведь так и не обнял на прощание. Стоял в шаге за спиной, да и на допросах никто не спросил о мужчине на снимке рядом с ней, никто не направлял яркий свет лампы в лицо, как никто не стучал пальцем по фотографии

и настойчиво не спрашивал о нем. Интересовало их другое – Хижук, Шрамов, Слабко, связи, контакты... Только на последней встрече со следователем на снимке появился знак вопроса и чёткая подпись – «Хромой». «Откуда мне знать, – пожалала она плечами. – Это крупный аэропорт. Мужчин там много». Так они и играли со следователем в дурацкие «вопросы-ответы». И она надеялась, что выиграла у них свою битву за Креспина. Выиграла ещё в тот злополучный вечер, когда группа захвата ворвалась в купе поезда. Теперь же она стала сомневаться в своей уверенности.

– Так не бывает, – пробормотала она себе под нос, вновь медленно приближаясь к окну. – Бывает либо «да», либо «нет». «Возможно» – не бывает.

Вроде бы все прошло по накатанной схеме – у неё ничего не нашли, а вколоть какую-нибудь сыворотку правды не рискнули, как и побоялись влезть в голову. Но вот только вместо того, чтобы оставить в камере навсегда, выбросили в город и принялись внимательно рассматривать ситуацию её глазами.

Она взглянула на сжатый в пальцах бумажный комок. Решение принято – теперь надо только претворить его в жизнь, и как можно быстрее, чтобы люди, наблюдающие за окнами из машины, ничего не заподозрили. По крайней мере, в первое время. А потом это станет неважным. Никто ничего не поймёт...

– Ещё успею, – Аста успокоила себя. – Все успею...

Затем взглянула на часы – 10:42. Через восемнадцать минут она собиралась заглянуть в тренажёрный зал.

Идти до него было всего ничего. Выяснилось, что и расположен он прямо в подвале этого дома, только вход с другой стороны улицы. Правда, и промокнуть под дождём она успела основательно. Замёрзшие руки зябли даже в карманах. Была самая что ни на есть не любимая Астой погода. Это из окна дождь выглядел мелким, а в реальности оказалось, что поливает он так прилично, что она почувствовала, как тяжелеет от воды пальто, а пряди волос, выбивающиеся из-под шарфа, липнут к щекам и покрываются от ветра плёнкой льда.

Аста толкнула дверь и оказалась в тепле воздушной завесы. Окинула взглядом зал: оборудован он был по последнему слову техники, даже по современным меркам. Возле двух тренажёров лежали запчасти. Висела табличка «Не работает. Приносим извинения за причинённые неудобства». Остальные были в полном порядке и посетителей здесь хватало.

Вечером здесь, наверное, можно было встретить студентов, фанатов, настоящих мастеров и перекормленные семейные парочки в одинаковых спортивных костюмах. Утром и днём похоже все по-другому: в зале было полно надменных дамочек с печатью пластического хирурга на лицах. Гомон от их голосов перекрывал грохот железа. Она хмыкнула. Во время подобных занятий в центре подготовки она нико-

гда ни с кем не разговаривала, да и в других тренажёрных залах тоже – не принято, да и дыхания не хватит. Самые общительные могут кивнуть или буркнуть что-нибудь, но, как правило, там стараешься даже не встречаться ни с кем глазами. Все понимают, что нужно собраться. Здесь профессионалов она пока не видела.

Она открыла вторую дверь тамбура, сделала пару шагов вперёд и внимательнее осмотрелась по сторонам. Рядом с зеркалом во всю стену вертелась парочка девушек в облегающих штанах. Эти больше смеялись и рисовались стройными фигурами перед татуированным качком, чем занимались делом. Коренастый мужчина у силового тренажёра громкими криками подбадривал сам себя и рычал, когда их прелести перекрывали зеркало перед ним. Его лицо в отражении в этот момент становилось таким собранным, словно он призывал и концентрировал всевозможные магические заклинания во взгляде на свои кривые ноги. Девушки переглядывались и хихикали. Качок ворочал нешуточный вес на тренажёре и смотрел на них во все глаза перед каждым подходом. Аста поморщилась – у него были серьёзные проблемы с потоотделением и до тошноты симпатичная физиономия. Он рвал спину штангой так ретиво, что ей захотело подойти и сказать: «Поберегись – инвалиды никому не нужны, даже с такой привлекательной мордой и крепким телом».

Крупная силиконовая блондинка с несмываемым загаром отложила гантели, набросила на шею полотенце и, при-

танцующая, направилась к ней. Тощий, нескладный парень на ближайшем велотренажёре начал выкладываться изо всех сил, едва заметил её приближение. Она потрепала его по плечу.

– Тебе к врачу надо, – с наигранной небрежностью сказала она. – С таким обменом веществ вес не наберёшь.

Крашенная толстуха с чудовищными складками на животе под коротенькой маечкой, возмущённо обернулась, думая, что обращаются к ней. Тощий парень увеличил ритм. При этом он неотрывно смотрел на ягодицы блондинки, но то был не восторженный взор, а яростная сосредоточенность – он вглядывался в её зад так, точно мастурбировал.

– Добрый день, – растянулись губы блондинки в дежурной улыбке. – Желаете позаниматься?

– Сколько стоит абонемент? – спросила она.

Услышав ответ, Аста удивлённо приподняла бровь – цена была неподъёмной. Тогда она поинтересовалась сколько надо платить за полчаса занятий в день. Девушка подёргала за концы полотенца и презрительно скривила губы.

– Одинаково. Абонемент на два часа в день. Оплата и за занятие, и за тренера. Желаете уходить раньше – ваше право... но платите за два часа.

– Тренер – это вы? – насмешливо поинтересовалась она у блондинки.

– Не устраиваю? – силиконовая грудь подпрыгнула, сузились глаза и сжались губы.

Кожа на скулах девицы была готова лопнуть. Сама напряжённость. Дотронешься до такой – зашипит, и отдёргнешь руку, дую на обожжённый палец. Взгляд Асты скользнул по её мускулистым рукам, бёдрам, скорее мощным, чем тренированным. Раздутые в гневе ноздри, напоминающий мужскую щетину пушок на верхней губе. Пирсинг: три железяки в одном ухе и по одной в каждой брови.

– Нет! – отрезала она в ответ на злой взгляд. – Мне не нужен специалист по гормонам.

Конечно, эта женщина, перекрученная мышцами как батон домашней колбасы шпагатом, была права, но она все равно расстроилась и побрела к выходу, получив плевком в спину гневную тираду и злорадное, со смешком, обвинение в пустом кошельке. Ей было совсем не до смеха, но ни оборачиваться, ни отвечать она не стала.

«Придётся найти мешок с песком или картошкой, – с горечью подумала она, – или украсть ночью бетонный бордюр от мостовой». На мешок она могла бы выделить немного мелочи из остатков бюджета, а песка во дворе хватало. В крайнем случае, можно пережить один день и без еды. Многие в этом мире так и питаются – именно через день.

– Опять льёт?

Старушка божий-одуванчик из первой квартиры открыла свою дверь едва она вошла в подъезд.

Аста потрясла отяжелевшее от воды пальто за воротник

и вздохнула.

– Ремонт затеяли? – она показала подбородком на грудку мешков цемента на площадке у её двери.

– Сосед мой, чтоб ему, – сокрушённо махнула та рукой. – Второй раз за год. Опять день и ночь греметь начнёт. Устроит нам праздник на Рождество Христово.

– Если денег хватает и желание есть, то почему бы и нет, – она безразлично пожала плечами; ей было наплевать на всех.

– А я пакет кофе в магазине выиграла, – радостно сообщила ей старушка, выпятив в улыбке крупные, жёлтые зубы. – В акции участвовала, а тут приз.

Аста притворно удивилась, округлила глаза и сказала, что это замечательно, раз ей выпала такая фантастическая удача. Соседка вцепилась ей в мокрый рукав и потащила с собой в квартиру угощать выигрышем. На кухне бабулька налила фильтрованной воды в эмалированный чайник замысловатой формы, поставила его на огонь конфорки и принялась в захлёб рассказывать о ценах в магазине: это, мол, что-то с чем-то. Аста терпеливо слушала и подозрительно косилась на упаковку кофе – от подобного напитка и её зубы станут такими же, как у старухи, а фильтрованная вода вряд ли сделает его вкус лучше. Так и оказалось. Но она выпила почти до дна чашку этого мерзкого, отдающего кошачьей мочой пойла, и заторопилась прощаться. Бабулька мелко перекрестила её вслед. «Скромная», – разобрала она довольный шёпот.

Аста быстро поднялась на свой этаж. Сбросила пальто, накинула кофту, от которой собиралась избавиться, и беззвучно открыла дверь, прислушиваясь к тишине в подъезде. Затем спустилась на лестничную площадку ниже. С трудом подняла мешок цемента, поддержала его коленом, чтобы перехватить удобнее, и стиснула зубы, шагнув вверх на ступеньку. Каждое движение с таким весом причиняло невыносимую боль. В памяти всплыл сирийский центр подготовки. Представила, как тащилась после недельного марш-броска по раскалённой пустыне к последней контрольной точке. Тогда перед ней оставалось полтора километра каменистого бездорожья и семь минут до окончания срока. Разбитые в кровь ступни были обуты в самодельные лапти – пришлось резать на полосы камуфляжные штаны. Обязанная вокруг головы майка почти не защищала от солнца. Под разгрузочный жилет с боекомплектom набился песок и методично растирал голое тело до крови. Давно опустевшая фляжка превратила кожу над костью таза в один сплошной синяк. Не считая «лаптей», на ней были только трусы и этот «лифчик». На шее болтался автомат, периодически пересчитывая ребра магазином. Ни его, ни жилет бросить она не могла – лучше уж сразу пуля в лоб... Тогда она успела, добралась кое-как, даже ещё рассмотрела сквозь мутную пелену перед глазами, как офицер из «Хезболлах» пересчитал все её снаряжение – метательные ножи, гранаты, выщелкнул из магазинов все сто пятьдесят патронов, даже крохотный компас

был отмечен крестиком в списке. Потом он поднял большой палец вверх...

Этот мешок цемента сейчас был для неё сродни весу того ненавистного разгрузочного жилета – его она тоже не бросит...

– Раз, два... Брошу...

В спине начала распрямляться раскалённая пружина. Мгновенно вспотевший от напряжения лоб коснулся края ванны. Она достаточно часто измывалась над своим телом на тренажёрах. Обычно в тесных помещениях и без кондиционера, но каждый раз по меньшей мере это было в охотку. То, что она впервые делала сейчас в ванной комнате, было больше похоже на издевательства американского инструктора «мистера Тайсона». Тогда его остановил Джабаль – тихий увалень, с мозолистыми руками крестьянина. Одним ударом приклада он освободил челюсти самозванца-боксёра от шедевра заокеанской стоматологии и, оскалившись собственным щербатым ртом, передёрнул затвор автомата, вгоняя тому в живот полную пригоршню свинца.

– Девять, десять... Курить...

Из зеркала на неё таращилась перекошенная физиономия с выпученными глазами. Помочь этому лицу приобрести нормальный вид могли только два белых круглых тоста с яйцами-пашот, исходящая паром большая чашка обжигающего кофе с кардамоном по-сирийски и... огромный ломоть

дыни... Она словно наяву ощутила её аромат и вкус.

– Семнадцать, восемнадцать... Сама...

Она метнула яростный взгляд в зеркало – помимо еды и горячей ванны с пеной ей нужен бассейн с морской водой и жаркое южное солнце. Мешок цемента, упакованный в клеёнку с кухонного стола и наволочку, надавил на плечи и потащил назад вместе с мечтами.

– Двадцать семь, двадцать восемь... Найду Креспина...

Аста закусил губу, чтобы не закричать – острая игла справа у позвоночника вонзилась ещё глубже, хотя глубже, казалось, уже было и некуда.

– Тридцать три... скоро Рождество, а Христа распяли...

Цементная подушка стала неподъёмной, выскальзывала из пальцев и тянула обратно вниз камнем на шее утопленного. Мышцы едва не рвались и не желали ни разгибаться, ни сгибаться.

– Тридцать четыре... возраст... мне... тридцать четыре... пережила его...

Согнуться она уже не смогла. Так и осталась лежать, со свистом и всхлипами втягивая в себя воздух. Мешок под головой, казалось, превратился в монолитный кусок бетона. Сердце бешено прыгало где-то внизу живота, там, где ему было совсем не место. Однако, боль уходила. Полцентнера цемента, упорство и злость загнали её внутрь через «не могу». И теперь эта игла, пронизывающая тело насквозь, медленно растворялась, точно кусок сахара в воде. Аста не торо-

пилась с резкими движениями. Осторожно приподняла голову, сцепила ладони на затылке.

– Тридцать пять...

Её лбу не хватило до края ванны полпальца. Она не стала насиловать себя дальше и обессиленно распласталась на полу, раскинув руки в стороны. Сейчас это был предел возможностей для её тела.

Полковник Каптур тяжело вздохнул. Неожиданная поездка с генералом Горбачевичем ему не нравилась. Совсем! Какая-то суматошная и бесцельная. Кружат по городу так, будто в лесу заблудились. Он давно обратил внимание на то, что и водитель, и офицер госбезопасности за толстым стеклом, разделяющим салон надвое, как-то странно себя ведут, вертят головами из стороны в сторону, словно не уверены в безопасности маршрута. Машина сопровождения шла следом, точно привязанная, едва не уткнувшись своим «кенгурятником» им в задний бампер. Передний джип изредка гукал сиреной и мигал стробоскопами, переливаясь огнями, как новогодняя ёлка.

Глава контрразведки, сидящий слева от Каптура, невозможно смотрел перед собой. Через десять минут полковник поёрзал на сидении и кашлянул.

– Товарищ генерал...

Горбачевич бросил на него насмешливый взгляд.

– Надо же, какой официальный?

– Случилось что, Виктор Сергеевич? – полковник постукал в тёмное дымчатое стекло. – Едем, как ждём, что вот-вот что-то произойдёт.

– Ты разработкой по «Хромому» и курьерам полностью проникся?

– Так точно.

– О несчастной судьбе своего предшественника тоже в курсе?

– Понятно... – протянул Каптур. – Опасаемся, товарищ генерал?

– Принимаем меры, – Горбачевич поморщился. – Есть у меня подозрения, что судьба Хижука кое-кого не минует и здесь.

– Что показала эта уцелевшая из его группы?

– Ничего. Отпустили.

Полковник открыл рот от удивления.

– Как это, отпустили?

– А вот так. Ничего на неё как бы и нет.

– Не верю! Полиграф. Правильные вопросы о друзьях. Потом допросить «друзей». Не мешало бы и следователя. Может быть, со следователя и начать?

Генерал дёрнул молнию на своей папке и протянул ему фотографию. Снимок был такой же казённый, как и полиграф.

– Что скажешь? Только на днях удалось получить из-за кордона.

– Она плачет?

– И я так же подумал, когда увидел это фото впервые, – хмыкнул Горбачевич. – И, знаешь, что она сказала на допросе? Пот это. Жарко, мол, там до безобразия. И вообще. Все её ответы одинаковые и односложные. «Почему лете-

ли другим рейсом?» – «А я часто так делаю». «Кто такая Кайра?» – «Никогда не слышала о ней». – «Почему ливанцы отказали в помощи?» – «Откуда мне знать – я исполнитель». – «Что конкретно сообщил аналитик по Хромому?» – «Не помню». – «Над чем работал Хижук?» – «У него и спрашивайте. Мёртв? Жаль...». И тому подобная ахинея.

– Так почему все-таки не обработали, как положено? – изумлённо спросил Каптур. – Да я её... в землю вгоню... сегодня же.

Он привстал на мягком сидении, стиснул кулак и вбил его в ладонь другой руки.

– Не трогать! Понял?

Налитый кровью глаз уставился на Каптура. Тот поспешно закивал. Даже слишком поспешно.

– Я предложил ей поработать в следственном комитете. Пришлось, правда, надавить кое-кому на старые мозоли. Суки... Промаринуют, конечно, её пару недель в пику мне, но возьмут, никуда не денутся.

– Понял. И по какой разработке пойдёт основная игра? По Хромому?

– Точно. Я тебя с некоторыми деталями ознакомлю, но позднее – время для них пока не пришло.

– Крепкий орешек для нас оказался.

– Для Хижука, как видишь, непосильный, а генерал Кузьель его почти расщёлкал, но... рак у него давно был, оказывается... так что все с ним почти... в сознание изредка при-

ходит, а речь уже отнялась... Посмотрим, как ты справишься. А потом послушаем, как она заговорит, когда мы её по-настоящему прижмём – уши затыкать придётся.

– И эту женщину вы... – проворчал полковник, отворачиваясь от испытующего взгляда начальства. – То есть, от неё возможно зависит ваша жизнь и карьера? Вы либо очень опрометчиво поступаете, либо все сведения о ней абсолютно не верны.

– Между нами – невредимой её оставили благодаря мне. Кужель сразу хотел в расход, а я из принципа упёрся, и только потому, что он руководитель Оперативно-Аналитического Центра – этого сборища недоумков. Председатель комитета помялся, но поддержал контрразведку. Два голоса против одного.

– Она кто? Ваша внебрачная дочь? – неожиданно для самого себя брякнул полковник.

– Считай, что я этих слов не слышал, – ощерился Горбачевич. – И ты всегда можешь отказаться.

– Да уж, могу... – Каптур прикусил губу. – Вот только вы умолчали, что меня ждёт при таком развитии событий?

– Ничего, – усмехнулся генерал. – Ты же не откажешься?

– Конечно, нет! – быстро произнёс полковник, и его глаза за стёклами очков блеснули преданностью.

– Теперь то, что тебе следует знать в первую очередь – читал я её диагноз из ведомственного госпиталя. Есть ещё знакомые такого уровня, что достать для меня документы, со-

ставляющие тайны разных ветвей секретной службы, не так уж и трудно... Так вот, дамочка наша ещё та штучка... Мне иногда кажется, что все, кто занимается подобной деятельностью на том уровне мастерства, на котором она умеет... чёрт знает, чего эта красотка не умеет вообще... так вот... все они потенциальные клиенты психиатрических клиник. Абсолютно все! Понял, куда клоню?

– Она не сумасшедшая? – поразился Каптур. – Так какого черта Хижук упаковывал её в смиренную рубашку? Причём дважды.

– Представь себе, – генерал хмыкнул. – Никто из медицинских светил не подтвердил диагноз, но она – псих. И ещё какой по общепринятым меркам. Со знаком качества, так сказать. Часы у неё какие-то там в голове периодически тикают с самого младенчества, как кремлёвские куранты, что ли. Даже с боем. Представляешь? И вот один закордонный мозгоправ, который заочно анализировал предоставленные мной документы, был не столь категоричен, как его коллеги – тараканов у неё в голове куда больше, чем в заводской столовой. Однако, они не имеют к нашему ведомству прямого отношения и лезут из всех щелей только тогда, когда она уверена, что ей нанесли смертельную обиду... Мужчины.

– И что послужило толчком? Изнасилование?

– Мимо. Детство у неё было относительно благополучное. Учёба в институте чиста от подобных эксцессов, и даже по сирийскому лагерю боевиков, где она проходила обуче-

ние, есть стопроцентная уверенность, что никому это не удалось. Ни-ко-му! Здесь что-то другое.

– Все так серьёзно с ней, Виктор Сергеевич? Да уж... – полковник снял очки и растёр переносицу. – Толпа голодных, бородатых бармалеев не смогла опрокинуть молодую девку на спину, и ни один инструктор не поставил в позу в своей палатке? Что же это за лагерь такой? Пионерский?

– А ты не ёрничай, – генерал открыл встроенный бар и плеснул в стаканы немного коньяка. – Пионерский... Тебя бы туда – взвыл бы через сутки, и к мамке под юбку кинулся. Их американский спецназ на пугает, а тут девка...

Он неожиданно задумался и вспомнил, как с Кужелем в Афганистане вляпались в историю. Набрались они тогда прилично в медицинском модуле у Таньки Морозовой. Баба была – огонь! Жадная, правда, и за щеки готова на все, но уж если ухватит что-то загребушими руками – на совесть отработает... Отсыпной день у неё выдался. Выставила она после обеда на стол две бутылки спирта. Прихватила как обычно в своей санчасти. Приговорили литр к вечеру, и Танька добавила из загашника бутылку кубинского рома с блестящей наклейкой – оказалось, что и заокеанское пойло с ног не валит. Тут Кужель возьми и скажи: «Витек, а давай-ка в духан рванём. Хафиза что угодно всегда достанет». Рванули... С той поры у него отметина и восемь швов над левым ухом... Темно уже было, когда к духану подошли, и только пальцы к двери протянул, как из-за угла, откуда ни возь-

мись, два бармалея. Он застыл, как вкопанный – они, идиоты, оружие-то в модуле спяну оставили. Кужель повернулся назад, да как заорёт: «Сержант! Кроши гадов!». А эти двое, нет, чтобы в темноту воробьями порскнуть, наоборот, накинудись. Первый и двинул его чем-то в голову, аж искры из глаз... И верёвка у них нашлась... Спасибо Таньке. Пьяная-пьяная, а сообразила куда их понесло, и чем все может закончиться. Повезло. Успел комвзвода с бойцами – помяли их, но хоть живы и у своих остались...

– Её так просто не сломать. Да и калечить никакого резона нет по другой причине, – он опрокинул коньяк в рот и довольно крикнул. – Конечно, можно было бы выбить из неё все, что надо и не надо, за пару часов. Хоть пытками, хоть сы-вороткой правды. Однако, толку от этого ноль – зачем в нашем деле инвалид, а то и покойник?

– Какая разница – кого хоронить? Инвалида. Труп. За два метра под землёй не рассмотришь, – хмуро произнёс Каптур.

– А ты сам к этому готов, полковник? – Горбачевич кинул на него заинтересованный взгляд, словно прикидывая его возможности как потенциального могильщика.

– Я, как в анекдоте, Виктор Сергеевич. Могу копать, а могу и не копать, – расплылся тот в улыбке, но тут же стер её с лица – злой прищур генерала пресёк его неуместную шутку.

– Вот это уже совсем другой разговор, – голос Горбачевича стал жёстким, как наждак. – Правильные мысли и верные

устремления. Наконец-то, я вижу человека, способного решить проблему. А проблема в том, что требуется устранить всех, кто знает об этой разработке. Всех, кроме этой женщины – о ней забыть! Так что твоё умение копать в самый раз.

Каптур хотел что-то возразить, даже набрал полную грудь воздуха для длинной тирады, но шумно выдохнул и не произнёс ни слова. Генерал был прав. У главы контрразведки опыта было гораздо больше, и он оценивал перспективность разработки исходя из возможностей своих сотрудников. Работать они вновь собирались против неизвестного по кличке «Хромой», используя в качестве наживки непредсказуемую дамочку, со сдвинутыми набекрень мозгами. А насколько велик этот сдвиг не смогли определить и дипломированные психиатры.

– Я готов, – полковник сделал крохотный глоток коньяка и поставил стакан в держатель. – Думаю, за пару суток уложусь с подготовкой плана действий. Считаю, что самое главное избежать лишних вопросов в управлении.

– Согласен, – кивнул генерал. – Только главный вопрос здесь такой – зачем? Зачем она нужна курьерам за кордоном? Ответа на него пока у тебя все равно нет, поэтому за дело – ни одного упоминания о Хромом в твоей новой вотчине не должно остаться. И заруби на носу – следить за каждым её шагом и ничего не предпринимать без моего указания.

Через час полковник Каптур в третий раз просмотрел

список разработок и отшвырнул его в сторону. Недоуменно уставился в окно, барабанив пальцами по столешнице – дело курьеров не фигурировало ни в одной из строчек отчёта. Он тяжело поднялся и принялся сам по очереди обходить кабинеты аналитиков, задавая каждому один и тот же вопрос. Хоронить своих новых сотрудников ему совсем не хотелось. «Прикопать бы эту Таболич по-тихому в лесу и дело с концом», – злобно думал он, едва ли не пинком распахивая очередную дверь.

Кабинет капитана Смаля был самым дальним в ряду однообразно скучных дверей. Закипая чайником на плите, полковник с силой толкнул от себя эту последнюю дверь и на долю секунды застыл, будто наткнулся лбом на невидимую стену. Затем осторожно потянул носом, недовольно скривился, качая головой, и только потом шагнул через порог.

– Показывай, что там у тебя осталось из разработки по Хроному, – раздражённо приказал он.

– Здравия желаю, – хриплым голосом проскрипел Смаль, вытягиваясь навстречу.

– Окно открой! – рывкнул полковник и резко спросил: – Давно пьёшь?

– Никак нет! – аналитик обиженно засопел.

Каптур бросил на него подозрительный взгляд. Только позавчера он был переведён в управление на место полковника Хижука. С этим капитаном он никогда раньше не встречался, ничего о нем не слышал, и поэтому пока решил не выска-

зывать категоричного мнения – мало ли что вчера случилось в личной жизни человека, что перегаром от него несёт, как из пластиковой канистры с контрабандным спиртом.

– Ненавижу лгунов, – задумчиво протянул он. – Я их...

Окончание фразы он невнятно пробурчал себе под нос, и хозяин кабинета не расслышал, что о нем подумало начальство. А Каптур осторожно присел на краешек кресла, вновь поморщился и полез в карман за очками, так и подав руки и не ответив на приветствие. Смаль, в душе проклиная полковника, выбрался из-за стола и, повернув ручку на оконной створке, виновато уставился на неожиданного гостя.

– Показывай, – проворчал тот.

Капитан придвинул к нему тонкую папку, на которой уже стоял регистрационный код со знаком вопроса и красовался оттиск штампа «Совершенно секретно. Только для служебного использования».

– Даже так? – полковник облегчённо усмехнулся.

– Я уверен, что оценил материал правильно, – тяжело ворочая языком в пересохшем рту, ответил аналитик.

– Сам решу, что правильно, а что нет.

Капитан чертыхнулся про себя и осторожно выдохнул в сторону, раскладывая перед начальством два десятка фотографий.

– Шевелись! – рыкнул Каптур, подняв на него злые глаза.

Смаль вздрогнул от окрика и почувствовал себя неуютно под этим холодным взглядом. Напор и понукание всегда вы-

зывали у него стойкое чувство саботажа. Но сейчас для него складывалась не та ситуация, чтобы строить из себя трезвенника и вспылать праведным возмущением.

Полковник быстро пролистал тонкую стопку отпечатанных листов. Повозил по столу фотоснимки и задумчиво поскрёб ногтем лоб. Нахмурился, дёрнул плечом и грубо сказал:

– Вот, возьмём, например, твою гипотетическую подозреваемую, которая почему-то раскатывает по Европам, а не корячится в свинарнике. Красота ещё не повод для подозрений. Верно? По крайней мере, в текстах рапортов оперативников старушки у подъезда, поджав губы и неодобрительно качая головой, сообщают, что вежлива, в пьянках-гулянках с соседями не замечена и мужиков домой не водит. А если они от неё по утрам все-таки выходят? И, вполне вероятно, что все время разные? А кто из одиноких женщин их не приглашает-то? И дамочка эта на проститутку не тянет ни с одного бока. Так что конфликты с местными сутенёрами, обманутыми жёнами, ночными бабочками на обочине кольцевой и у барной стойки какого-нибудь клуба исключены, как и исключена заинтересованность в её жизни участкового. И в любой отрезок времени для нас она и даром не сдалась. Логично?

– На первый взгляд, – осторожно подал голос Смаль, ещё не пришедший в себя от вида брезгливо кривящихся губ полковника.

Знал бы капитан, кому пытается продвинуть взрывную информацию, скроенную в цепочку доказательств в состоянии алкогольной эйфории, то прикусил бы язык ещё до того, как вчера вечером налил себе первый стакан. А Каптур небрежно прихлопнул ладонью папку и поднял взгляд, наполненный бешенством по самый край. Это лицо он несколько часов назад видел на фотографии в машине главы контрразведки. Сам держал в руках и запомнил эту женщину достаточно хорошо, чтобы ошибиться и сказать себе, что этот объект ему незнаком. Он мог бы добавить и больше – короткое знакомство с этой красоткой стоило жизни множеству мужчин в той самой загранице, посещение которой так встревожило аналитика.

– Вот и все, что я узнал об этой дамочке, – с нажимом сказал он.

– Разрешите, теперь я выскажу свои соображения?

– Не надо мне тут про тихий омут.

– Не в ней дело, товарищ полковник.

– А в чём? В этой наглой физиономии?

– У женщины?!

– И у неё тоже, – хмыкнул полковник. – Так что все это высосано из пальца.

– Почему вы думаете, что у неё может быть по-другому? – тихо спросил капитан.

– Следует пытаться смотреть на вопрос гораздо шире и не распылять силы на мелочи, хотя подобные прецеденты

и у нас уже были.

– Совсем не факт, – неожиданно буркнул аналитик.

– Это отчего же? – озадаченно спросил полковник.

– Она наша коллега из контрразведки, – Смаль вытащил из кармана не первой свежести платок и вытер обильно вспотевший лоб. – Была... Пока она была для нас «никто», компромат лежал и ждал своего часа, а как только стала интересна – вот, у нас тут есть другое досье. Красное.

Капитан вновь щёлкнул замком сейфа, распахнул дверцу и протянул полковнику пухлую папку, вглядываясь в собственное отражение в стёклах его очков. Ему показалось, что в сузившихся зрачках начальства мелькнула неприкрытая издёвка.

– Давайте снимем розовые очки и посмотрим на нашу прекрасную куколку ещё раз, – твёрдо сказал он, горя желанием хоть как-то уколоть свежее испечённое руководство. – Так сказать, сопоставим официальную биографию с другой стороной её безмятежного существования.

Каптур подцепил ногтем девственно чистую обложку. Пробежался глазами по первой странице, медленно перелистнул вторую, затем ещё медленнее третью, наливаясь злобой и разглаживая пальцем глянцевый снимок – щелчок затвора фотоаппарата выхватил из толпы в здании аэропорта высокого нахмурившегося мужчину и молодую женщину. Он одним взглядом отметил на фото её осунувшееся лицо, тёмные глаза за длинными ресницами и едва приметную сле-

зу на щеке, похожую на блик от солнечного луча. Снимок был сделан с другого ракурса – женщина была той же самой, а вот мужчину он видел впервые. И сейчас он испытывал к капитану не просто презрение, как к алкоголику, сдуру снувавшему нос не в то досье – затопившее его по самую макушку чувство было сродни ненависти. Если один сотрудник осознанно влез в эту разработку, то где гарантия, что кто-то другой не последует его примеру? Не успели по-тихому свернуть это дело, как того и гляди придётся разгребать заново огромную кучу дерьма. А в этот раз может и не получится не измазаться в нем по уши... придётся копать... Он поднял голову и помассировал подбородок пальцами.

– Откуда? – спросил он.

– Забавный послужной список у этой дамочки. И имечко ещё то, не находите? – капитан показал глазами на папку.

Полковник выразительно постучал пальцем по странице с фото.

– Спрошу последний раз: каким образом все это оказалось здесь?

– Я ведь в этом отделе далеко не новичок, а прежнее руководство в лице... – Смаль замаялся. – Полковник Хижук мне полностью доверял. Присылают из-за кордона прямую. Было приказано не просто копать – носом землю рыть.

– Как давно?

– Почти три года прошло. Но этой фотографии и нескольких месяцев нет.

– Рядом с ней Хромой?

– Не уверен, но все указывает на это.

Каптур поднялся и пожевал губу, словно собираясь с мыслями. Прошёлся перед капитаном туда-сюда, крепко сцепив за спиной пальцы, и вдруг резко остановился, рубанув ладонью воздух.

– В одном я согласен в принципе – все идёт в ход и всему приходит время. И сегодня настало время для капитана Смаля забыть об этой информации. Навсегда!

– Полковник Хижук тоже вначале так говорил, – неожиданно трагичным голосом произнёс аналитик. – Почти такими же словами. Не получилось у него. Ошибся. И не только он. Многие.

– И кто же ещё? – поинтересовался Каптур.

– Это не важно, – Смаль вновь вытащил из кармана платок и вытер лоб, покрывшийся бисеринками холодного пота.

– Что именно? – озадаченно спросил полковник.

– Все не важно, – упрямо повторил капитан и обвёл ногтем лицо женщины на фотографии.

– Понятно... – процедил Каптур. – Прямой намёк руководства ты не понимаешь.

Он снял очки, аккуратно вложил их в футляр и ткнул пальцем в грудь аналитика.

– Пять минут у тебя, капитан. Две, чтобы забыть о ней. Три, чтобы осознать – этого разговора никогда не было. Накину ещё сутки, чтобы ты бросил пить. Иначе отправишь-

ся завтра же на службу в провинцию. Ощутишь, так сказать, все её прелести на себе. И когда осознаешь, какая непыльная работёнка была у «любопытной Варвары» здесь, то тебя через неделю другую вышвырнут из органов без права на пенсию. Например, за деяния, порочащие честь и достоинство офицера, или... как бы невзначай обнаружат при тебе что-нибудь запрещённое и гарантированно подсудное... Теперь дошло?

– Так точно, – обречённо ответил тот, мысленно посылая начальство ко всем чертям.

– Разработки эти я с собой заберу. Полистаю на досуге и решу, что с тобой дальше делать, – полковник сгрёб со стола обе папки и спросил: – Копии?

– Никак нет! – вытянулся капитан.

– Рискну верить. И, смотри, рот на замок и о водке забудь, как о страшном сне. Дважды мне ещё никому повторять не приходилось.

Едва полковник Каптур захлопнул за собой дверь, как угрюмое настроение аналитика чуть улучшилось. Он повернул ключ в замке и достал из сейфа второй комплект таких же фотографий, которые вызвали ярость начальства. Затем подошёл к информационной доске на противоположной стене и аккуратно приколол снимки в ряд.

Смаль знал и биографию, и распорядок дня этой женщины, как свой собственный. Но этот мужчина, попавший в объектив фотоаппарата оперативника только один раз, был

для него не просто загадкой. Он понимал, что где-то уже видел это лицо, чувствовал в нем детонатор этой разработки и хотел знать, чем же они, черти их дери, там занимаются, что собираются сделать и почему.

Отступив на шаг, он склонил голову набок, несколько минут задумчиво разглядывал изображения разной степени качества – уже которую неделю он пытался просчитать эту парочку и никак не мог понять, что же такого могло связывать свежеиспечённого безработного капитана госбезопасности со странным именем Аста и пока ещё неизвестного, высокого и крепкого молодого человека с жёстким, как рашпиль, взглядом. Потом он взял красный маркер, обвёл вокруг хмурого лица мужчины окружность, поставил знак сложения между ним и женщиной и, помедлив секунду, размашисто подписал – Хромой. Иногда он предпочитал думать так, а не в удобном кресле, и теперь, опустив веки наполовину, покачивался с пятки на носок, чувствуя, как заканчивается действие обезболивающего и возвращается острая похмельная боль в затылок.

– А что там, в провинции, люди не такие что ли? – запоздало спросил он, скосив глаз на запертую дверь. – Одни трезвенники? Не у кого на пару бутылок перехватить?

Потом он обхватил руками раскалывающуюся голову и подумал, что и так в последнее время удача стала избегать его общества, словно профессиональный алкоголик, в которого превратился сорокалетний бобыль, надоел ей до смер-

ти.

– Ладно... – простонал он, нашаривая непослушными пальцами в кармане упаковку аспирина, – устрою вам провинцию, товарищ полковник...

Неожиданно подумалось, что если начальству на эту женщину наплевать, то ему наоборот. Совсем-совсем наоборот. И не по служебной необходимости, и не только ради спортивного интереса – пагубная страсть требовала денежных средств, а не долгов, одни проценты по которым уже становились неподъёмными. Перспектива стать шантажистом его не страшила, а совесть и честь он давно оставил на дне бутылки.

Смаль понимал, что виноват во всем сам – своими собственными мозгами не сообразил, какое светлое будущее мог бы этими разработками построить. Теперь вся интуиция псу под хвост. Скорее всего, процесс его умственного труда уже отслеживает служба собственной безопасности. Только сунься куда-нибудь с информацией – на своей шкуре ощутишь всю мощь и красу карательной машины. Он вы матерился – его использовали. Как только что полковник Каптур, например, и, впрочем, другие тоже, и далеко не впервые. Подобным образом с ним обходились всегда. Воровали и мысли, и разработки. Выдавали себя за истинных авторов, а его бы просто не подпустили к дверям приёмной председателя комитета. В общем и частном, воровство интеллектуальной собственности процветало не только на рынке «пи-

ратских» компьютерных программ, но и в сфере аналитического отдела контрразведки, где Смаль прочно занимал место типичного неудачника из группы пострадавших. И, самое главное, что во всем этом понимал капитан – ничего изменить он не в силах.

– Я не в силах? – проворчал он, разжав пальцы на блистере с таблетками, и нащупал личный мобильник. – Посмотрим, как другие смогут...

Набирая дрожащим пальцем номер, оставленный ему покойным полковником Хижукон и неуказанный ни в одной разработке, он плохо чувствовал кончик своего пальца, и тот казался ему каким-то уж очень старческим, каким-то таким негнушным, что он не мог с первого раза попасть по символам клавиатуры и постоянно сбивался. И когда ему наконец удалось выстроить на дисплее верную последовательность из цифр, то он, почему-то затаил дыхание от страха, нажимая значок вызова. После томительной вереницы гудков на звонок ответили. Смаль сглотнул колющий комок в горле и просипел:

– Форт-Бойярд.

– У вас что-то с голосом? – бесстрастно спросила женщина.

– Простыл, – он откашлялся и добавил: – Погода дрянь.

– Запоминайте адрес, – её голос стал нетерпеливым. – Я готова встретиться послезавтра. При условии, что информации с вашей стороны будет больше, чем простое упоминание

французского форта.

В динамике щёлкнуло. Он озабоченно почесал затылок. Сквер. Какое-то трамвайное кольцо у чёрта на рогах.

– Тут тебе и придёт конец, капитан Смаль... – пробурчал он себе под нос и взглянул на часы.

До встречи оставалось ещё двое суток – до возможного конца жизни всего ничего.

– Да и хрен с ней... с такой жизнью...

Аста хмуро смотрела в окно. За стеклом был мрак. За грудиной мрак был ещё плотнее. Хуже, чем обычно по понедельникам, да ещё мелкий дождь. Там, за занавесом, внезапно хлынувший ливень может разогнать людей по домам, но если зарядит с самого утра, то никто просто не высунется на улицу. Здесь не там... И для неё понедельник тянулся уже целую неделю. И каждый вечер она торчала в этом кафе с пяти до шести – больше идти ей было некуда.

Очередной, такой длинный день сменился сумерками. В зале, ещё полупустом полчаса назад, становилось довольно многолюдно. Она узнавала тех, кто приходил изо дня в день, а они узнавали её. Однако, она всегда игнорировала попытки завязать разговор. За окном порывистый ветер раскачивал вывеску над продуктовым магазином. Длинные щупальца света от проезжающих мимо автомобилей выхватывали из полутумана-полудожда обширные лужи, поблёскивающие капли воды на стекле и черные пятна редких прохожих. Середина декабря, а снаружи дождь. «Уж лучше бы лило по-настоящему, – угрюмо подумала она, – или снег наконец выпал». В такую погоду она всегда вспоминала Крепина – точно так же рыдало небо, так же мрачно выглядели переулки того города... и маленький бар, где она на первой же секунде прокололась с кодовой фразой. Впрочем, она

никогда и не забывала о нем. Очередной короткий взгляд сквозь стекло окончательно испортил и так паршивое с утра настроение, и превратил его в щемящую тоску...

Это случилось почти два месяца назад. Она шла по следу «Хромого» из разработки долгих три года, чтобы выполнить приказ и прикончить, а после встречи с ним мир сузился, будто зрачок в ответ на солнечный луч. Сузился, чтобы не впустить внутрь ничего лишнего... и никого больше... Ей не надо было страдать и учиться преодолевать последствия душевных травм – к одиночеству она привыкла давным-давно. А в последние годы у неё всегда был абсолютный вакуум в знакомствах: как по прошлой службе, так и вне её. И, как следствие, минимум завистников и максимум врагов.

На столе перед ней лежала маленькая шпаргалка. Иногда приходилось записывать очередное невозможное предположение, чтобы потом, укрывшись пледом после ванны и лёжа на тахте рядом с ночным светильником, пытаться привязать его к разрозненной куче из ряда вот выходящих событий и фактов. Фактов, которые могли бы стать довольно обычными, если бы у неё в руках был блокнот капитана Козлова. Те страницы, что она помнила наизусть – ответов пока не давали. Однако, она точно знала, что как только сумеет сложить в правильный пазл разрозненные выводы этого покойника, то вновь найдёт Креспина, чтобы больше не потерять никогда. И выйти на него она должна сама. Сейчас больше всего на свете она боялась, что он отправит с той сто-

роны границы курьера для встречи с ней. Именно поэтому за прошедшие дни, после того, как перед ней распахнулись двери следственного изолятора и её вышвырнули из госбезопасности, она набрала его номер всего один раз – и даже этот единственный звонок был смертельно опасным... Даже для Креспина, который смог переиграть весь аналитический отдел и контрразведку, и за три года так и остался никому неизвестным человеком по кличке «Хромой». Её он тоже переиграл. Но она надеялась, что не так легко, как группу полковника Хижука и волкодавов генерала Горбачевича. И Аста безумно хотела доказать ему, что сама ничуть не хуже этой сучки Кайры. «Она мне, как сестра», – говорил он. Как же... Мысли о том, что они могут больше никогда не встретиться, она не допускала и напрочь запретила ей всплывать в мозгу, хоть намёком. В крайнем случае, попробует сама махнуть через занавес...

Вторую неделю она приходила под вечер в это кафе. Заказывала бульон (дёшево) и слоёный пирожок (дорого, но терпимо). Неторопливо ела, выкуривала одну сигарету, рассматривала сквозь лёгкую дымку и приглушенный свет посетителей и думала, что делать дальше, когда через несколько дней ей не на что будет купить порцию чего-нибудь мясного – на одном бульоне и кофе долго не протянешь. Ни одной потенциальной зацепки на предмет трудоустройства – кроме следственного комитета – у неё больше не было, но и никаких комплексов по этому поводу она не испытывала. Пере-

живать приходилась только по одной причине – как добраться до блокнота Козлова. А то, что даже кофе приходилось готовить на съёмной квартире, то и к его вкусу притерпеться можно. Научилась обходиться малым. Купила большой пакет растворимого – так получалось быстрее, в разы дешевле, но и во столько же раз хуже.

После выкуренной сигареты, фильтр от которой по многолетней, укоренившейся привычке, она заворачивала в салфетку и прятала в карман, Аста уходила. Обычно сразу, как только подвыпившие мужчины начинали обращать на неё внимание – доставлять любителям острых ощущений неприятности она не хотела. Но в этот раз уйти сразу не удалось...

– Добрый вечер. Позволите?

Невысокий, пожилой мужчина в хорошо сшитом, но старомодном пальто, остановился перед её столиком. Он бесцеремонно пристроил зонт-трость на спинку стула, снял шляпу и склонил подбородок. Щуплый, седой, со вздыбленной шевелюрой, чем-то похожий на Альберта Эйнштейна, актёра Пьера Ришара и университетского преподавателя одновременно.

Она молча кивнула, скомкала в кулак свою шпаргалку и опустила глаза к чашке с остатками бульона. Свободных мест кругом было не так уж и много, но они все-таки были, а ей не хотелось даже разжать губы, чтобы указать ему на это.

– Ещё вчера я был по ту сторону занавеса, – негромко сказал он, устраиваясь напротив на стуле. – Представьте, там

такая же отвратительная погода.

– Курьер? – она вскинула голову, а рука по привычке сама нырнула в карман за оружием, которого там не было уже много недель.

– Нет. И, давайте, не будем обо мне, – он качнул седой головой и произнёс с лёгкой иронией: – Мы одни. Хвост, который пишет каждый ваш шаг... если опустить подробности, то я его на некоторое время прищемил... У нас с вами есть дела поважнее.

– Здесь убийства большая редкость, – процедила она сквозь зубы.

– Не стоит за него так переживать. Жив он и здоров. Ну, почти здоров... Выкарабкается.

– Самое сложное – убедить этот на время отрубленный хвост в том, что помощь коллег ему совершеннейшим образом не нужна. Ведь он их сразу вызовет.

– А как вы думаете, неужели я не позаботился об этом?

– Уверена, в первую очередь.

– Мерзко ему будет только первое время – паралич и тому подобные прелести отравления. Я рассчитал дозу очень и очень тщательно. Полчаса у нас есть. Для гарантии будем отталкиваться от факта, что вполтину меньше. Ничего не бойтесь.

– Бояться придётся. Я им очень нужна. Нужна целой, невредимой и под рукой. Какой у вас статус?

Человек из-за кордона казался беспечным. Спокойно по-

ложил расслабленные ладони на стол и ободряюще посмотрел на неё, как университетский экзаменатор, а она бросила короткий взгляд на оконное стекло за его спиной.

– У меня его нет, – невозмутимо ответил гость. – Я просто осуществляю доставку.

– В такой ветер жаль раскрывать зонт. Сломается, – она криво усмехнулась, – а он у вас удобный.

– Точно. Давайте считать его простой тростью, – предложил он. – Я и сам его использую для других целей. Контактный яд в рукояти.

Он повернулся на стуле и призывно помахал официантке. Аста посмотрела на его профиль, потом на зонт и уже хотела было что-то спросить, но приблизившаяся девушка в переднике с вышитым национальным орнаментом помешала ей продолжить.

– Сигареты, пожалуйста. «Парламент». Не бывает? – гость казался искренне удивлённым. – Тогда что-то подобное из того, что есть. На ваш выбор и водки сто.

Аста пристально смотрела на курьера, задержав взгляд на его лице почти на четверть минуты, будто пытаясь проникнуть в сущность человека, который вдруг оказался сидящим напротив неё. Когда они вновь остались наедине, мужчина перехватил её изучающий взгляд.

– Как вы меня находите? – с неподдельным интересом спросил он. – Могу биться об заклад, что вы сравниваете меня с французским актёром Ришаром. Угадал?

– Его комедии не такие наивные, какими могут показаться на первый взгляд, – спокойно ответила Аста. – У Ришара тоже в зонтике был шприц с ядом... Я могу вас сдать прямо сейчас... или убить. И тоже прямо сейчас.

Пожилой мужчина, теперь ещё больше ставший похожим на преподавателя, рассмеялся – искренне, всплеснув руками и склонив голову щекой к воротнику.

– Вы? Не смешите старика, барышня, – он демонстративно смахнул несуществующую слезу, но не платком, а пальцем, в одно мгновение потеряв напускную профессорскую солидность.

– Откуда вы знаете, что я могу, а что нет? – хмуро спросила она.

– Отсюда, – он коснулся пальцем лба. – Здесь о вас практически все. По меньшей мере, за последние несколько лет. Есть и более ранние сведения – с детства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.